

УДК 81.373.421

СИНОНИМИЯ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Г.В. Колпакова

Аннотация

В статье рассматриваются близкие по семантическому инварианту разнообъемные немецкие и русские синонимические и идеографические ряды в концептосфере «Mensch – человек», обуславливающие различное структурирование одноименных семантических фрагментов этой концептосферы в немецком и русском языках, обосновываются концепция контрастивной синонимии и необходимость когнитивного подхода к ее изучению, дается экскурс в историю развития антропоцентрического направления в лингвистике.

Ключевые слова: антропоцентрический, субъект, концепт, семантика, контрастивная синонимия.

Цель нашего исследования заключается в подтверждении принципа антропоцентризма в языке, в обосновании различного восприятия и членения мира языковым сознанием говорящих, принадлежащих к различным языковым коллективам, в объяснении феномена контрастивной синонимии в концептосфере «Mensch – человек» и в обосновании когнитивного подхода к анализу семантики синонимических рядов в концептосфере «Mensch – человек».

Лингвистическая наука, изучавшая семантику языковых единиц как внутриязыковых значимостей с позиций структурализма, сконцентрировала в настоящее время свои усилия на исследовании внешнеязыковой ориентированности семантики на реальный мир и воспринимающего этот мир субъекта. Антропоцентрическое направление исследования позволяет сравнить способы отражения единых универсальных категорий с помощью специфических номинативных средств в различных языках и выявить специфику речемыслительных процессов носителей этих языков.

В последние десятилетия в лингвистике свершился переворот от изучения внутренней системы языка при структуралистском подходе к рассмотрению взаимодействия человека и языка, к лингвистике на антропологических началах. Развитие идеи антропоцентризма в лингвистике изначально связано с именем В. Гумбольдта, подчеркивающего значение естественного языка в духовной жизни человека: «Язык является одним из тех явлений, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности» [1, с. 87]. В представлении В. Гумбольдта язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2, с. 4]. Лингвистическая теория В. Гумбольдта характеризуется антропологическим подходом и деятельностной

трактовкой языка [3, с. 67]. По мысли М. Бирвиша, языковая теория В. Гумбольдта представляет первую попытку теоретического осмысления отношения между языком и мышлением, а также между языком и обществом [4, S. 29]. Иное понимание тезиса В. Гумбольдта «язык как деятельность» представлено в концепции Ю.С. Степанова [5, с. 28–29].

Главная заслуга в обосновании сущности субъективного в языке принадлежит Э. Бенвенисту, рассматривающему глубинную связь человека с языком, благодаря которой человек конституируется как субъект. В основание субъективности заложена категория лица. Указывая на себя поочередно, *я/ты*-говорящие партнеры реализуют основное условие существования языка – полярность лиц и воспринимают себя как субъектов речи. Термины *ты* и *я* находятся в отношении взаимодополнительности и взаимообратимости и немыслимы один без другого. Параллели этим отношениям вне языка не существует. «Положение человека в языке неповторимо», «...язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [6, с. 293–294]. Именно поэтому Э. Бенвенист отрицает орудийную функцию языка, так как орудия изготавливаются человеком, а язык составляет суть природы человека. Напротив, авторы издания “Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache” утверждают, что «язык не только общественно обусловлен, но и служит обществу, является орудием человека» [7, S. 25]. Этот характер орудия языка признают и другие современные лингвисты (К.Г. Крушельницкая, В.Г. Гак).

Своеобразие точки зрения Э. Бенвениста на субъективность в языке заключается в том, что он отрицает двойственность общеизвестных антиномий *я* и *другой*, *индивид* и *общество*, сводящих двойственную сущность либо к изначальному термину *я*, осознающему сначала себя, а потом открывающемуся сознанию ближнего, либо к единственному изначальному термину *общество*, существовавшему до индивида. Воззрение Э. Бенвениста на субъективность в языке как на органичное единство двух взаимообуславливающих начал привлекательно для лингвистов в том отношении, что позволяет анализировать язык, одновременно испытывающий воздействие со стороны общества, имеющего длительную историю развития, и сиюминутное влияние отдельных индивидов, обогащающих язык нововведениями, которые с течением времени могут быть приняты или отклонены обществом. Идея субъективности в языке нашла подтверждение в концепции Ш. Балли, различавшего объективное содержание (диктум) и выражение позиции субъекта относительно сообщаемого содержания (модус), подчеркивающего активное участие мыслящего субъекта в формировании, представлении содержания. По мнению Ш. Балли, содержание предложения, мысль, выражаемую в нем, «нельзя свести к простому представлению, исключающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» [8, с. 44].

Идея о взаимовлиянии субъекта, воспринимающего мир и отражающего его в своем сознании, и общества, о взаимосвязи между языковой системой, фиксирующей результаты мыслительной деятельности индивида, и познающим мир субъектом получила развитие в трудах ведущих отечественных лингвистов. Словотворческая роль языка, отмечал В.В. Виноградов, ограничена действием внутриязыковых законов, специфических для каждого конкретного языка.

Творческая познавательная деятельность общества фиксируется в словаре, здесь же определяются пути развития словарного фонда в соответствии с исторически развивающимися типами и категориями [9, с. 76, 70, 81]. Идеи Л.В. Щербы закладывают лингвистические основы последующего развития концепции языковой и концептуальной картин мира. Он подчеркивал необходимость изучения того, какую классификацию навязывает воспринимающему мир субъекту сама языковая система, какие общие категории, под которые подводятся лексические значения, существуют в ней, акцентировал важность изучения «внешних выразителей категории». Л.В. Щерба указывал на сдерживающее влияние языка, предлагающего готовые шаблоны и препятствующего свободному развитию мысли [10, с. 64, 131, 134].

Структуралистские течения, сосредоточив свои усилия на изучении внутрисистемного аспекта языка, неправомерно ограничили сферу анализа человеческого фактора в языке. Генеративная лингвистика вновь пробудила интерес у исследователей к изучению семантики, анализу мыслительной деятельности говорящего. В настоящее время идею субъективности в языке, идею антропоцентризма в лингвистике можно считать общепризнанной. Известный тезис Ф. де Соссюра о том, что за каждым текстом скрывается языковая система, получил дальнейшее развитие в ориентированной на языковую личность теории Ю.Н. Караулова, утверждающего, что «...за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [11, с. 27]. Представление о человеке, по мнению Ю.Д. Апресяна, составляет «естественную точку отсчета» для различных языковых значений [12]. В центре внимания лингвистов находятся «значение говорящего» и «значение слушающего». Языковой личности свойственен особый социальный и личный выбор языковых средств для выражения своего замысла, обусловленного мировидением индивида [13, с. 6]. Ю.Н. Караулов, разрабатывая понятие «языковой личности», описывает семантический, лингвокогнитивный, мотивационный уровни ее организации, отмечает вневременные и развивающиеся во времени образования, составляющие наполнение различных уровней [14, с. 39]. Иное мнение о положении человека в языке представлено в концепции Г.Я. Солганика. Язык, по мнению исследователя, «принципиально безличностен», его «субъективация», превращение в речь субъекта, происходит в речевом акте [15, с. 73].

Уникальность позиции человека в творимом и творящем его языке делает правомерным стремление описать языковую картину мира сквозь призму воспринимающего мир субъекта. Следствием антропоцентричности является субъективность различных языковых категорий. При трактовке категории субъективности делается акцент на связи между субъектом, познающим мир, отражающим его в своем сознании и вербализующим его в языке, и окружающим миром. Категория субъективности, заключающая в себе наличие лица (человека), трактуется, таким образом, в свете отношений референции.

Теория Э. Бенвениста дала импульс всестороннему исследованию субъективности в языке, составляющему сегодня магистральное направление в современной лингвистике. Различия смысловых структур, описывающих одно и то же явление действительности, невозможно обосновать лишь разными языковыми семантическими интерпретациями данного явления. Различная интерпретация,

в частности в области субъектно-предикатно-объектных отношений, соотносится с особым способом мировидения. Различные языковые интерпретации какого-либо события обуславливают разные «смысловые проекции» (Ю.А. Пупынин) этого события. Именно субъектом определяется смысловая структура представления события в высказывании и выражение ее соответствующей языковой (синтаксической) структурой. Логично обозначение категории субъекта Ю.А. Пупыниным как «денотативно-интерпретационной» категории [16, с. 145–148].

Наблюдается дальнейшее развитие категории субъекта в плане его семантической неоднородности. Особый интерес представляет изучение регулярных связей между выбранной говорящим позицией наблюдателя и синтаксическими конструкциями (активной, пассивной, безличной), выражающими субъектно-предикатные отношения. Ценность таких исследований заключается в стремлении объяснить имплицитную семантику, содержащуюся на глубинном уровне предложения, следы которой обнаруживаются в поверхностных синтаксических структурах. Это подводит нас к пониманию категоризации воспринимаемой сознанием человека извне информации и осмыслению способа ее вербализации, что с успехом исследуется когнитивной лингвистикой.

Ярким воплощением принципа антропоцентризма в языке является антропоцентрическая лексика, структурированная в синонимические ряды в концептосфере «Mensch – человек».

Объектом исследования являются немецкие и русские синонимические ряды (СР) с семантически близкими инвариантами и отношения контрастивной синонимии в концептосфере «Mensch – человек». Контрастивная (межъязыковая) синонимия рассматривается как значительное сходство значений слов при их незначительных семантических различиях. При сопоставительных исследованиях речь идет о дистинктивной, или различительной, синонимии, в то время как при описании отдельных языков оправдывает себя традиционная трактовка синонимии как тождества значений слов. Феномен контрастивной синонимии обусловлен различным семантическим структурированием концептосферы «Mensch – человек» и ее нетождественным членением на семантические фрагменты в сферах «качественная характеристика человека» и «черты характера» в немецком и русском языках. *Предметом* изучения контрастивной синонимии являются семантические инварианты синонимических рядов, возможности их семантического варьирования в сопоставляемых языках и различия в семантике синонимов, обусловленные наличием в их семантических структурах дифференцирующих и энциклопедических признаков.

Предпосылкой для сравнения СР в двух неблизкородственных языках является разграничение семантического, языкового знания и энциклопедического, концептуального знания, знания о мире, что находит отражение в семантической структуре слова в наличии семантических и энциклопедических признаков. «Нагруженность» сопоставляемых лексем в двух языках дистинктивными (различительными) признаками подвергает сомнению возможность сопоставления синонимических рядов в разных языках и оправдывает расширение понятия синонимии при сопоставительных исследованиях. С этой целью при проведении сравнительного анализа было введено понятие «идеографического ряда» (ИР). В основе ИР, в отличие от СР, лежит сходство значений, а не их

идентичность. Речь идет о своего рода отвлечении от дифференцирующих признаков с целью сопоставления одноименных семантических фрагментов в немецком и русском языках. В качестве единицы анализа контрастивной синонимии на начальном этапе рассматривается СР, единицей анализа на завершающем этапе является ИР.

При изучении контрастивной синонимии исследователь должен обозначить свое отношение к двум проблемам: отграничению синонимического от идеографического ряда и различию немецкой и русской лексикографических традиций отражения синонимии в словарях. Так, например, широко распространенные в практике речевого общения словари “Wörterbuch der Synonyme und Antonyme. E. und N. Bulitta” и “A.M. Textor. Sag es treffender” не являются с позиций отечественной лингвистики в полном смысле словарями синонимов, а включают относительно близкие по семантике слова, некоторые из них с осязаемым «приращением» смысла относительно доминанты СР. Соответственно и синонимические ряды в этих словарях представляют собой объемные семантические группы, включающие в качестве синонимичных единиц слова, принадлежащие к разным СР со сходными семантическими инвариантами.

Применяемый при сопоставительном изучении семантики метод компонентного анализа справедливо подвергается критике: с одной стороны, семантические признаки выделяются произвольно, их описание осуществляется посредством метаязыка, выбор которого может быть субъективным у различных исследователей, с другой – разложение семантики слова на семантические признаки не происходит полностью, без «остатка». В «остатке», по-видимому, находятся «энциклопедические признаки», присущие носителю языка как представителю определенной национальной культуры. Так, при наличии в русском языке лишь одной формы *завистник* в немецком языке имеются 8 синонимов, членов СР *Neider* (*Neider*, *Neidhammel*, *Neidkragen*, *Schiefauge*, *Schielaug*, *Giftkröte*, *Giftnudel*, *Giftzahn*), по меньшей мере 3 из них экспрессивно маркированы. Внутренняя форма этих сложных существительных различна. Это и «завистливый баран», и «завистливый воротник», «косой, косящий глаз», «ядовитая жаба», «ядовитая лапша», «ядовитый зуб». Особой образностью, истоки которой следует искать в особенностях национального уклада, быта, традиций, отличаются ИР *Narr* и русский одноименный ИР *глупец*. Немецкий ряд насчитывает 81 форму, а русский – 129 членов, включая соответствующие прилагательные, употребляемые в сочетании с существительным *человек* (*пустоголовый человек*). Следовательно, преобладающим в сопоставительных исследованиях должен быть дефиниционный анализ, то есть семантический метод анализа словарных дефиниций, позволяющий выделить наряду с семантическими признаками, занимающими определенное место в иерархии сем, также энциклопедические признаки, составляющие «знание» человека об окружающем мире. В лингвистической литературе не случайно отмечается наличие общего метафорического фонда у представителей одного национально-культурного сообщества, принадлежащих одному поколению.

Рассматриваемые немецкий и русский семантические фрагменты с инвариантом *Brummbär* – *ворчун* (сфера «черты характера») включают неодинаковое количество разнообъемных СР. Словарь синонимов под редакцией Х. Гернера

и Г. Кемпке фиксирует следующий СР, состоящий из 6 членов: *Brummbär*, *Brummbart*, *Murrkopf*, *Muffel*, *Knasterbart*, *Knasterer*, со ссылкой на близкую по значению доминанту *Griesgram*, лежащую в основе СР, который включает 5 членов: *Isegrim*, *Miesepeter*, *Sauertopf*, *Gnatzkopf*, *Grunzer*. В результате анализа словарных дефиниций членов данных СР в качестве релевантных признаков описываемого семантического фрагмента выделяются семы «brummig» и «mürrisch». Взаимозаменяемость этих сем в дефинициях синонимов, членов СР *Brummbär* или СР *Griesgram*, является основанием для включения СР *Griesgram* в ИР *Brummbär*. Отмеченный в словаре синонимов под редакцией Х. Гернера, Г. Кемпке СР *Nörgler*, сходный по семантическому инварианту с СР *Brummbär*, отсутствует в двух вышеназванных синонимических словарях E. und H. Bulitta и А.М. Textor; в последнем имеются лишь две объемные семантические группы с доминантами *Kritiker* и *Pedant*, содержащие большинство членов СР *Nörgler*. В данном случае мы имеем дело с письменной формой фиксации различного членения тождественного участка семантического пространства в сознании нескольких представителей одного языкового сообщества.

Одноименный русский семантический фрагмент содержит (в соответствии с данными русских словарей синонимов) лишь один трехчленный СР *ворчун*: *ворчун*, *брюзга*, *воркотун*. Анализ словарных дефиниций этих лексем обнаружил взаимозаменяемость данных синонимов в сходных контекстах, например: *ворчун* – «человек, склонный к ворчанию, брюзга»; *брюзга* – «человек, который постоянно брюзжит, докучливый ворчун»; *воркотун* – «ворчливый человек, брюзга». Их словарные дефиниции являются почти зеркальными отображениями друг друга. В качестве релевантных семантических признаков русского фрагмента выделены семы «ворчать», «брюзжать».

Проверка на наличие этих сем словарных дефиниций семантически близких лексем в русских понятийных словарях позволяет включить в соответствующий ИР *ворчун* в качестве потенциальных членов словарные единицы *скрипун*, *шипун*, *шебарша*, *пила*. Например, *скрипун* разг. – «о том, кто ворчит, ругается, говорит резким, неприятным голосом»; *шипун* разг. – «тот, кто шипит, старый шипун (ворчун)»; *шипеть* разг. – «ворчать, браниться, выражая свое недовольство, злобу»; *шебарша* прост. – «тот, кто шебаршит, шабала»; *шебаршить* прост. – «шуметь, браниться, ворчать». Наше «обыденное» знание, «наивная картина мира» побуждают нас ввести в состав ИР *ворчун* потенциальный синоним *пила*. Ср. *пила* прост. – «о сварливом человеке, непрерывно донимающем кого-л. попреками, придирками».

Анализ переводческих эквивалентов в двуязычных (русско-немецких и немецко-русских) словарях показал, что лексема *ворчун* имеет в качестве переводческого аналога *Brummbär*, лексеме *брюзга* соответствуют переводческие эквиваленты *Brummbär*, *Nörgler*. Таким образом, русскому языковому сознанию свойственно нерасчлененное понятие, в то время как в сознании носителя немецкого языка эти понятия расчленены и имеют свои формы выражения, составляющие самостоятельные СР *Brummbär* и СР *Nörgler*. Следует отметить отсутствие однозначных соответствий между немецкими и русскими лексемами. Так, *ворчливый* соответствует не только нем. *brummig*, но и *grämig*, последнее слово является своего рода проекцией на СР *Griesgram*, а *брюзгливый* наряду

с немецкими эквивалентами *mürrisch* и *brummig* включает еще и *verdrießlich* – «угрюмый, недовольный, раздосадованный». Наличие этого семантического признака оправдывает включение слова *пила* в качестве потенциального синонима в СР *ворчун*. Лексема *Griesgram* является доминантой еще одного самостоятельного СР в немецком языке, в русском языке это понятие нерасчлененно содержится в понятии «ворчун, брюзга». Ср. русские эквиваленты лексемы *Griesgram* в «Большом немецко-русском словаре» под ред. О.И. Москальской: *угрюмый человек, нелюдим, брюзга, ворчун*.

Итак, в языковом сознании носителя немецкого языка семантические области *Brummbär*, *Nörgler*, *Griesgram* четко разграничены, в то время как в сознании носителя русского языка они имеют частичное наложение, поэтому необходимо выявить языковые формы выражения соответствующих немецких содержаний в русском языке, служащие в достаточной мере точными аналогами немецких понятий *Brummbär*, *Nörgler*, *Griesgram*. Такие формы для выражения содержаний *Brummbär* и *Griesgram* в русском языке составляют ИР *ворчун*, *воркотун*, *воркун*, *брюзга*, *брюзгливец*, *грымза*, *скрипун*, *пила*, *шипун*, *шебарша*. Для подтверждения своих выводов проверим русские переводческие эквиваленты, предлагаемые двуязычным словарем под редакцией О.И. Москальской, для членов СР *Brummbär*. Выясняется, что все члены СР *Brummbär* имеют в качестве соответствий *ворчун*, *брюзга*. Вряд ли целесообразно использовать при переводе разг. *Brummbart*, *Murrkopf* нейтральные аналоги *ворчун*, *брюзга*, в большей степени здесь подходят *скрипун* или *шипун*, а употребляемому в разговорном стиле с пейоративной окраской словосочетанию *alter Knasterbart* идеально соответствует слово *грымза* прост. – «о старом, ворчливом человеке». *Скрипун*, имеющий помету «неодобрит.», является функционально-адекватным эквивалентом отрицательно маркированной лексемы *Muffel*.

Наличие дифференцированных концептов «*Brummbär*», «*Nörgler*», «*Griesgram*» в немецком языке обуславливает иную организацию языкового пространства в немецком языке по сравнению с русским языком, сфера языковых форм выражения этих содержаний в немецком языке представлена тремя самостоятельными СР. Наличествующий в русском языке нерасчлененный концепт «ворчун, брюзга» занимает значительную часть семантического пространства в указанном фрагменте, имея, судя по синонимическим словарям, в качестве форм выражения лишь один СР *ворчун*, включающий незначительное количество членов. Оправданным, с нашей точки зрения, является расширение объема и содержания русского одноименного фрагмента путем включения дополнительных членов, потенциальных синонимов, в ИР *ворчун* с целью создания необходимой основы для проведения контрастивных исследований.

Предпринятое нами исследование, посвященное изучению контрастивной синонимии в антропоцентрической лексике, позволило сделать следующие выводы.

1. Проявлением антропоцентризма в языке является становление категории субъективности, пронизывающей все уровни языковой системы. «Следы» присутствия говорящего обнаруживаются не только в экспрессивно и нормативно маркированной лексике, категориях персональности и субъективной модальности,

но и в различных разрядах местоимений, наречиях места и времени, в отношениях логических и грамматических субъекта и объекта, особых конструкциях предложения.

2. Результаты анализа структурирования одноименных немецких и русских семантических фрагментов в концептосфере «Mensch – человек» подтверждают исходный тезис об отсутствии однозначных соответствий между семантическими фрагментами с тождественными или близкими семантическими инвариантами в двух языках и о правомерности когнитивного подхода к сопоставительному анализу синонимии. При когнитивном подходе синонимия понимается как семантическая близость одноименных немецких и русских концептов, областями языкового выражения которых являются одноименные немецкие и русские семантические фрагменты, содержащие СР, в концептосфере «Mensch – человек». В основе контрастивного исследования синонимии лежит принцип обусловленности концепции синонимии и, следовательно, избираемой единицы контрастивного анализа синонимии широкой или узкой трактовкой значения слова. В зависимости от узкого/широкого определения значения слова синонимия интерпретируется в узком или широком смысле слова, а в качестве основной единицы анализа избирается СР или ИР. Контрастивная синонимия должна базироваться не на лингвистически-семасиологическом, а на когнитивно-ономазиологическом подходе.

3. Концептосфера «Mensch – человек» характеризуется нетождественным членением семантического пространства на отдельные фрагменты в немецком и русском языках. В концептосфере «Mensch – человек» чередуются области «сгущения» семантической информации как следствие частичного наложения отдельных семантических фрагментов (например, *Brumbär*, *Griesgram*, *Nörgler*, либо *Kriecher*, *Schmeichler*, или *Angeber*, *Prahler*) и области «разрежения» информации, характеризующиеся отсутствием СР. Например, в русском языке отсутствуют СР *завистник*, СР *нытик* при имеющихся в немецком языке СР *Neider*, СР *Nörgler*, в немецком языке отсутствуют СР *Gauner*, СР *Gaffer*, СР *Bummler* при наличии отмеченных в русских словарях синонимов СР *мошенник*, СР *разиня*, СР *гуляка*.

Summary

G.V. Kolpakova. Synonymy in Anthropocentric Vocabulary.

The article considers close in their semantic invariant German and Russian synonymic and ideographic rows of unequal scale in the sphere of the concept “man”. These rows cause different structuring of similar semantic fragments in the sphere of the analyzed concept in German and Russian. The concept of contrastive synonymy and the necessity of the cognitive approach to its study are substantiated. An excursus into the history of anthropocentric trend development in linguistics is given.

Key words: anthropocentric, subject, concept, semantics, contrastive synonymy.

Литература

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 85–104.

2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
3. Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
4. Motsch W. Zur Kritik des sprachwissenschaftlichen Strukturalismus. Reihe Sprache und Gesellschaft. – Berlin: Akademie-Verlag, 1974. – Bd. 3. – 192 S.
5. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 7 – 34.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
7. Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1989. – Bd. 1. – 613 S.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
9. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
10. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
12. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – 1986. – Вып. 28. – С. 3–17.
13. Язык – Система. Язык – Текст. Язык – Способность. – М.: Ин-т рус. языка РАН, 1995. – 286 с.
14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
15. Солганик Г.Я. К проблеме типологии речи // Вопр. языкознания. – 1981. – № 1. – С. 70–79.
16. Пупынин Ю.А. «Специальные вопросы» субъективности и объективности // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992. – С. 141–154.

Поступила в редакцию
20.03.09

Колпакова Галина Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета.
E-mail: Galina.Kolpakova@ksu.ru